

Отучившись четыре года в университете, я не могла отказать родителям провести вместе с ними дома несколько летних дней. Вернее это уже был не мой дом, а квартира родителей. Но обо всем по порядку. Моя мать сошлась с отчимом (зовут Николай), когда мне было три года. Вскоре у меня появился младший братик. Жили мы очень дружно. Отчима я называла отцом и буквально боготворила. В пору подросткового созревания я мастурбировала, представляя в своих мечтах только отчима. У нас был полный достаток, огромный дом с отдельными спальнями, большим залом и комнатой для гостей. Закончив школу, я поступила в престижный университет на платное отделение. Вскоре дела в бизнесе у Николая как-то не заладились, родители мне снизили довольствие, а затем и вовсе прекратили финансирование. Платили только за учебу. На еду и одежду деньги я зарабатывала сама, подрабатывая по вечерам в супермаркете, а летом, трудясь гидом. Вырваться к родителям не было ни времени, ни средств. А тут еще мой младший брат поступил на платное отделение в не менее престижный и дорогой вуз. Пришлось родителям переселиться в однокомнатную квартиру в старой пятиэтажке и продать большой дом, чтобы обеспечить финансирование нашей учебы. Я к этому моменту уже неплохо зарабатывала и решилась-таки пару недель пожить в родительском гнездышке. Четыре года расставания не прошли бесследно для моих родителей: мать заметно сдала и осунулась, а отчим почти не потерял прежней привлекательности. Немножко погрузнел, а появившаяся легкая седина только добавляла ему шарма. Я же обрела настоящую девичью стать и постоянно ловила на себе оценивающие взгляды отчима. Мне это очень льстило и немножко заводило. Как водится, посидели по моему приезду вечером за столом, выпили, вспомнили прошлое, мать прослезилась и попросила не обижаться за скромные удобства. Удобства действительно были скромные: совмещенный санузел, кухонька шесть квадратных метров и одна комната с балконом. Да и еще последний этаж. Дом без чердака, окна выходят на одну сторону, как следствие, летом в квартире стояла неописуемая духота. Кондиционера, конечно же, не было. Родители много мебели перевезли из старого дома, поэтому в квартире было очень тесно и не уютно. В комнате было единственное свободное место – проход от входной двери к балкону между диваном и мебельной стенкой. Родители постелили себе на раскладном диване, а меня уложили рядом на полу, на ватном матрасе. Когда диван разложили, проход стал совсем узким и меня уложили поодаль в этом проходе, ближе к балкону. В центре мебельной стенки стоял большой телевизор и родителям, лежа на диване, было легко его просматривать. Мне же, лежа в проходе, его было плохо видно из-за острого угла обзора. Лежали мы «валетом» друг к другу так, что наши пятки находились как раз на уровне центра телевизора. Мать, чтобы не стеснять отчима, заставила меня пойти переодеться в ванную и надеть свою древнюю ночную рубашку из плотной ткани. Я ее надела, посмотрела на себя в зеркало: ну, дура дурой! Хотелось звездануть перед Николаем своим стройным телом и упругой грудью второго размера (результат регулярного посещения тренажерного зала) в эротичной комбинации, которую я с собой прихватила. Но мать напрочь отвергла ее – слишкомзывающе. Пришлось подчиниться. В комнате приглушенно работал телевизор, родители лежали на диване, прикрывшись тонкой простынкой: мать в такой же дурацкой ночнушке, как и у меня, отчим, по-видимому, в одних трусах. Я легла на полу на приготовленном

матрасе, но укрываться не стала – очень душно. Телевизор смотреть было не очень удобно и я быстро заснула, устав с дороги и под воздействием алкоголя. Ночью я проснулась от нестерпимой жажды и в страшном поту. Прошла на кухню, включила свет, выпила воды и обнаружила, что моя начнушка вся мокрая – хоть выжимай! Сняв ее, я испытала невероятное облегчение. Жара стояла невыносимая, даже мои узкие трусики вымокли. Их я не стала снимать и потихоньку прокралась в комнату на свое ложе досыпать. Утром проснулась я довольно поздно. Было воскресение. В комнате никого не было, а из кухни доносились голоса тихо беседующих родителей. На мне были только небольшие белые трусики из тонкого трикотажа. Осмотрела себя в зеркало: сквозь полупрозрачную ткань трусиков виднеется темный треугольный бугорок моих волосиков (я принципиально не бреюсь ТАМ), две остренькие грудки с задорно торчащими сосками и небольшими аккуратненькими ареолами. На ареолах много выступивших пупырышек – возбудилась немного от мысли, что отчим видел меня такой, когда проснулся! Поискала свой домашний халатик и не нашла его. Вспомнила, что он остался в ванной. Придется идти за ним. В одних трусиках! Обалдеть! Внизу живота томно заныло. Отчим увидит меня полуодетой в движении (дверь ванной прямо около кухни) и я даже с ним поздороваюсь! Я реально почувствовала, как начинаю от нарастающего возбуждения течь! Выхожу в коридор. Дверь на кухню закрыта, но оттуда доносятся шипящие звуки готовящейся еды и голоса родителей. Тихонько открываю дверь. - Всем доброе утро! – широко распахнув дверь, выпаливаю я с порога. -Доброе, - мать недружелюбно рассматривает меня. Отчим едва заметно кивает и буквально поедает глазами мое молодое тело. На моем лице счастливая лучезарная улыбка. Людей с такой улыбкой не наказывают! Взгляд матери смягчается. -Что это ты так разоделась? – спрашивает она. -Да у Вас тут духота сумасшедшая. Ночью проснулась вся в поту. Вон начнушка вся мокрая до сих пор. И как вы тут живете? – наезжаю я. - По правде сказать, в одних трусах ходим. Оделись только ради тебя, из приличия, - оправдывается Николай. - Ничего, две недели можно и потерпеть, - пихает в бок супруга моя мать. - Да вы с ума посходили! В Ваши-то годы да по такой жаре при полном обмундировании недолго и до инфаркта дойти. Даже мне ночью было плохо. А Вам каково? Прекратите стесняться и давайте не менять ради меня свой привычный образ жизни, а то я завтра же уеду к себе, - настаиваю я. - Ну, хорошо, хорошо. Только ты, дочка, халатик-то носи. Ну, правда, неприлично как-то раздетыми ходить, - упрашивает мать. Я соглашаюсь, но ночью настаиваю спать только в трусиках. Во время этого диалога постоянно ощущаю на себе неотрывный взгляд отчима, исследующий каждый изгиб моего тела. Вспоминаю свои девичьи фантазии, как будто раздеваюсь перед ним, а он ласкает мое тело. Чувствую, как реально намокают мои трусики. Стыдно, если это увидят родители. Поспешно иду в ванную. Мать тоже торопит меня – завтрак почти готов. В ванной открываю кран и отдаюсь своим чувствам. Пару минут помастурбировав, я содрогаюсь в сладком оргазме. Немного отдохну. Наскоро принимаю душ, накидываю только халатик (трусики в стирку) на голое тело и присоединяюсь на кухне к завтракающим родителям. Халатик короткий, до середины бедра, перетянут только пояском. Вырез огромный – сиськи почти целиком неприкрыты, но ареолы не видны. Зато отчетливо виден след от купальника – ослепительная белизна незагорелых участков моих грудей. Глаза Николая только там! Мать косится и стукает его ногой под столом. Тот вздрагивает от неожиданности и роняет вилку на пол. Наклоняется за ней. Я в это время специально широко разворожу свои ноги, открывая обзор на свои интимные заросли. Отчим довольно долго возится под столом, чем вызывает

явное неудовольствие матери. Та тормошит его рукой, он подскакивает и ударяется головой о столешницу. Я не выдерживаю и прыскаю от смеха. Обстановка разряжается – все смеются. Позавтракав, я ухожу погулять по городу, которого не видела много лет. Встречаю школьных подруг, договариваемся сходить на пляж, потусить в клубе. Возвращаюсь домой. Отчим ходит в одних трениках, мать в легком халатике. Я тоже накидываю халатик. Стринги лень переодевать. Коротаю время до позднего вечера за компьютером, родители за телевизором, лежа на диване. Глаза мои устали. Тихонько расстилаю на полу матрас, снимаю халатик и ложусь спать, повернувшись попкой к работающему телевизору. Мать давно спит, повернувшись лицом к стенке. Отчим смотрит телевизор. Но я не сомневаюсь, что он рассматривает мою практически голую задницу. Я специально надела стринги, причем такие, которые практически не скрывают моих гениталий. Сзади узкий шнурок, впереди маленький треугольник. Волосы пучками вылезают во все стороны этого треугольника, да и сзади видна моя растительность. По мне так очень эротичный вид! Интересно, а как там Николай? Лежу на спине, повернувшись попкой к нему. Одну ногу вытянула, другую согнула в коленке.

Промежность моя (там волосиков совсем мало) ему должна быть видна, как на ладони. Я еще матрас придвигнула чуть ближе к телевизору, чем вчера и теперь мой зад находится как раз под экраном. Когда на экране яркие кадры, зад освещен как днем. Лежу в такой позе, не шевелясь, минут пять. Представляю, как отчим рассматривает морщинки вокруг моей анальной дырочки, как видит набухшие большие половые губки, покрытые легким пушком волос, как ленточка стрингов врезалась между ними и ее вообще не видно в этом месте – так набухли мои губки. Чувствую, как сама уже теку. Может, даже Николаю видна влажность моей пизды?! Эта мысль так пронзает мой мозг, что чувственность резко обостряется, в глазах темнеет от вожделения. Неимоверным усилием воли сдерживаю руку, чтобы не начать массировать свой клитор. Слышу скрип дивана, шаги, звук прикрываемой двери. Это Николай пошел в туалет (наверное, подроить на меня!). Мне хватает на это дело и тридцати секунд – так я возбуждена! Содрогаюсь мелкой дрожью в беззвучном экстазе. Мать спит на спине (кстати, в одних трусах, безобразно раскидав отвислые шары-груди третьего размера) и ничего не замечает. Я прихожу в себя и принимаю прежнюю позу. Возвращается Николай, сразу же выключает телевизор и ложится рядом с матерью. Я удовлетворенно засыпаю.